

О. О. Графутко

ЭМОЦИЯ ЗЛОСТИ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

(на материале английского и белорусского языков)

Злость является одной из базовых эмоций, признаваемых большинством исследователей. Цель данного исследования – выявить лексические средства представления эмоции злости в художественном дискурсе на английском и белорусском языках, а также определить сходства и различия между ними. Материалом послужили единицы, отобранные методом сплошной выборки из современных романов на английском и белорусском языках («Purity» J. Franzen, «The New Republic» L. Shriver, «Марыянеткі і лялькаводы» М. Южык, «Перакулены час» М. Южык, «Цень анёла» М. Клімковіч, У. Сцяпан).

В первую очередь были выделены лексические единицы, называющие различные оттенки злости: *anger* ‘злость’ – ‘a strong feeling of annoyance, displeasure, or hostility’; *annoyance* ‘досада, раздражение’ – ‘a **slightly** angry or impatient feeling’; *rage* ‘гнев, ярость’ – ‘a **very strong** feeling of anger’; *раздражненне* ‘стан злоснага ўзбуджэння; пачуццё незадаволенасці, злосці’; *злосць* ‘пачуццё гневу, незадаволенасці, раздражнення’; *абурэнне* ‘**вельмі моцнае** незадавальненне, гнеў’ и т.д.

Кроме того, выявлена значительная группа лексем со значением ‘испытывать злость’, включающая различные части речи: прилагательные: *apoplectic* ‘побагровевший (от злости)’, *vexed* ‘раздраженный’, *раз’юшаны*; глаголы: *to bristle* ‘ощетиниться’, *уз’есціся*; наречия: *viciously* ‘злобно’, *сярдзіта*; существительные: *a rant* ‘возмущенная речь’, *праклён*. Примечательно, что романы на английском языке содержат большое разнообразие таких лексем, тогда как белорусскоязычный дискурс характеризуется невысокой встречаемостью единиц, отличных от ядерных терминов эмоций и производных от них.

Группа лексем со значением ‘вызывать злость’ встречается значительно реже и представлена неравномерно в материале на двух языках: в англоязычном дискурсе обнаружены единицы всех четырех частей речи (*to jar* ‘раздражать’, *irksome* ‘раздражающий’, *incessantly* ‘непрерывно’, *nuisance* ‘досаждающий предмет, надоедливый человек’), в то время как в романах на белорусском языке данный семантический компонент отмечен преимущественно в глаголах (*раз’ятрыць*, *развар’яваць*).

Важным средством передачи злости является голос, поэтому данную эмоцию могут репрезентировать лексем со значением говорения, преимущественно – глаголы. Так, были выделены глаголы, в дефинициях которых эксплицирована эмоция злости: *to rave* ‘выть, реветь’ – ‘to talk in an **angry** and uncontrolled way’; *сыкаць* ‘гаварыць здаўленым ад **раздражнення**, **злосці** і пад. голасам’. Также были отобраны глаголы, в дефинициях которых нет эксплицитного указания на рассматриваемую эмоцию, и они приобретают

этот эмотивный оттенок лишь в контексте, например, *to shriek* ‘вопить’ – ‘to shout in a loud high voice because you are frightened, excited, or surprised’: “*For God’s sake, if you’re going to be that way,*” Alexis was **shrieking**, “I could see, maybe, keeping a source like that to yourself ...” <...> *The most indifferent bystander at the Rat that night would have registered Alexis Collier’s outrage* – Господи, если ты будешь так поступать, – **вопила** Алексис, – я бы еще поняла, если бы ты ни с кем не поделился таким источником... <...> Даже самый равнодушный посетитель бара в тот вечер отметил бы негодование Алексис Колльер’ (перевод наш, если не указано иного. – О. Г.).

Подобные глаголы обнаружены и в белорусскоязычной выборке, например, *лямантаваць* ‘моцна і працягла крычаць’ – их можно отнести к средствам передачи злости, опираясь на присутствие в ближайшем контексте единиц с однозначным эмотивным значением:

– *Падлюга! Дармаед! – лямантаваў ён. – Ты мне, маці, не затыкай рата! Хай чуе, такая дрэнь, хто ён ёсць! Дармаед! Нягоднік!! Скаціна!!!*

Людміла Пятроўна рэзка наклала нож, сарвала з крука фартух і замахнула на развар’яванага мужа.

Среди глаголов говорения отмечена подгруппа, образованная метафорическим переносом значения глаголов звуков животных на речь человека, например: *to bark* ‘гаркать’, *to growl* ‘рычать’, *to snarl* ‘огрызаться’; *агрызацца, лаяць, рыкаць*.

В целом белорусскоязычная выборка обнаружила большее разнообразие глаголов говорения, чем англоязычная, где сема злости зачастую исключается из глагола и включается в зависимое прилагательное: *Andreas said, offended* ‘возмутился Андреас’¹.

Для передачи злости также важна кинесика: описания взгляда, цвета кожи, мимики, движений, например, *she sat up again, her eyes blazing* ‘она опять села – теперь глаза у нее сверкали’², *Edgar glared with the impotent indignation* ‘Эдгар уставился с бессильным возмущением’; *Сяргей са злосцю свідраваў бацьку вачыма, Сурмач... снадылба назіраў на субяседнікаў*. Данная группа лексем характерна для дискурса на обоих языках, что объясняется универсальностью процесса психофизиологического переживания злости.

Злость может реализовываться через лексемы, базирующиеся на метафоре «Гнев – это жар», отмеченной Дж. Лакоффом: *heat* ‘пыл, раздражение’, *hotly* ‘запальчиво’, *outburst* ‘вспышка’, *to seethe* ‘кипеть’; *бурліць, гарачы, кіпяціцца, успышка*. Однако в англоязычном дискурсе также встречаем нарушение этой закономерности, когда злость сопровождается прилагательным *холодный*: *She didn’t look hurt, just coldly angry* ‘Обиды в ее облике не чувствовалось, только холодная злость’³; *to propel Pip home to Felton in a cold rage* ‘Пип в холодной ярости ринулась в Фелтон’⁴.

¹ Франзен, Дж. Безгрешность / пер.: Л. Ю. Мотылев, Л. Б. Сумм. – М., 2016. – 736 с. – С. 161.

² Там же, с. 571.

³ Там же, с. 522.

⁴ Там же, с. 53.

Лексемы, выражающие злость, также составили несколько групп:

- единицы, связанные с религией – *for Christ's/God's sake* ‘ради всего святого’, *Jesus* ‘Иисусе!’, *damn* ‘черт!’, *goddamned* ‘проклятый’; *Госпадзе*, *д’ябал*, (*якога*) *нячысіка*, *чортавы*, причем для выборки на белорусском языке, по сравнению с английским, упоминание Бога для выражения злости характерно в минимальной степени;

- бранная лексика, обозначающая глупость кого- или чего-либо: *idiot* ‘идиот’, *moron* ‘болван’, *silly* ‘дурацкий’; *бязглузды*, *верзці*; а также низость или подлость – *jerk* ‘дрянь’; *паршывец*, *падлюган*, *хам*;

- метафорическое название человека именами животных, выявленное только в дискурсе на белорусском языке – *асёл*, *ішак*, *кабяліна*, *казёл*, *псіна*, *сабака*, *сіння/свінчо/свінюк*;

- нецензурная лексика (*bloody* ‘проклятый’, *flipping* ‘чертов’; *быдла*, *дзёўбаны*), причем для англоязычного дискурса в значительном количестве характерны единицы разной степени вульгарности, а в романах на белорусском языке ненормативная лексика представлена минимально, что обусловлено нормами художественности и требованиями, предъявляемыми к художественным произведениям в разных социумах.

Злость является сильной эмоцией, поэтому для контекстов, описывающих ее переживание, характерно наличие ряда единиц, репрезентирующих оттенки злости: *As he gunned down the main road, Edgar's mind was a miasma of terror, fury, and self-disgust. He tried to direct his rage toward Tomás Verdade, but it kept looping back to himself Anger at Verdade was like anger at a scorpion for being a scorpion. <...> Indeed, as Edgar reeled through the past to locate exactly where he'd gone wrong ... he found himself spooling all the way back to the cursed, miserable day he was born* ‘Пока Эдгар мчался по главной дороге, его разум был миазмом ужаса, ярости и отвращения к себе. Он попытался направить свой гнев на Томаша Вердади, но гнев бумерангом обращался на самого Эдгара ... Злиться на Вердади было сродни злости на скорпиона за то, что он скорпион. <...> И действительно, когда Эдгар попытался вспомнить, когда именно он сбился с пути... ему пришлось мысленно вернуться к проклятому, жалкому дню, когда он появился на свет’. Та же закономерность отмечена в дискурсе на белорусском языке: – *Замаўчы! – знячэўку ўскрыкнуў Сяргей і рыўком сеў на тахце; бледная грываса злосці на яго твары не пакідала сумневу ў тым, што ён пільна прыслухоўваўся да бацькавых слоў, што яны яго балюча паранілі. – Замаўчы! – ускрыкнуў ён другі раз, задыхаючыся ад гневу.*

Таким образом, проведенное исследование выявило в дискурсе на обоих языках лексемы, называющие, описывающие и выражающие эмоцию злости, глаголы говорения и лексемы невербальной эмоциональной реакции, а также лексемы, базирующиеся на метафоре «Гнев – это жар». Отмечено большее разнообразие глаголов говорения в белорусскоязычной выборке, что объясняется различным языковым членением мира двумя народами. Нецензурная лексика, допустимая и широко распространенная в англоязычной литературе,

минимальна в белорусскоязычной вследствие разных стилистических требований к художественному произведению в двух социумах, а соответствующие чувства выражаются другими средствами – метафорическим названием человека именем животного, оскорбительной лексикой.

Т. Н. Гребень

ПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В МЕДИАДИСКУРСЕ НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В последнее время язык средств массовой коммуникации претерпевает ряд изменений, связанных с активной демократизацией массмедийного пространства. Если еще несколько десятилетий назад язык СМИ характеризовался эталонностью, кодифицированностью, а редкое использование иных подсистем языка было всегда стилистически обусловлено, то сегодня можно наблюдать динамично протекающий процесс «коллоквиализации» всего массмедийного пространства.

Стирание в средствах массовой информации границ между официальным и неофициальным, сосуществование книжности и разговорности исследователи интерпретируют как результат стремления журналистов приблизиться к речи адресата. Существует мнение, что, если СМИ будут говорить на одном языке с большинством людей, использовать те же правила общения, что и в обиходно-бытовой сфере человека, они станут более понятными и доступными массовому адресату. Таким образом, с помощью разговорных средств создается впечатление живого устного общения. Более того, выделяясь на фоне своего кодифицированного окружения, разговорные единицы обладают ярко выраженным прагматическим эффектом.

Проведенный анализ разговорно-синтаксических средств, используемых в медиадискурсе на белорусском и английском языках («Звязда», «Народная газета», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer»), позволил заключить, что данные единицы характеризуются позиционной вариативностью, т.е. встречаются, во-первых, в различных структурно-композиционных частях медиажанров, во-вторых, не только в прямой речи, но и в словах автора, выполняя при этом ряд прагматических функций.

Из всего широкого ряда средств разговорного синтаксиса, встречающихся в медиадискурсе на двух языках, эллипсисы и вопросительные предложения, включая вопросно-ответные комплексы, чаще остальных располагаются в заголовках, подзаголовках или концовках публикаций. Вопросы в заголовках и подзаголовках медийных жанров привлекают внимание к обсуждаемой проблеме и сигнализируют о начале «беседы» с адресатом. Например: *Каму на пенсіі жывеца весела?*; *What's it like to sing Carmen when your husband is the conductor?* ‘Каково это исполнять Кармен, когда твой муж – дирижер?’. Здесь авторы не столько указывают на тему